

ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ДЕЯТЕЛЬНОЕ НАЧАЛО

Чтобы говорить об истине и справедливости, нужно сперва дать определение этим непростым категориям, поместить их в некоторую координатную плоскость для «работы» с ней. Есть множество определений понятия «истина». Обратимся к словарям с тем, чтобы отобрать те из определений, которые нашли отражение в культуре.

В новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой¹ истина трактуется как идеал познания, заключающийся в правильном понимании объективной действительности; в словаре В.И. Даля² – как противоположность лжи, как всё, что верно, подлинно, точно, справедливо. Есть и другие определения³, как философские, так и научные.

В отечественной науке понятие «справедливость» разрабатывали такие учёные, как А.А. Гуссейнов⁴, О.К. Биктасов, и т.д.⁵ Каждый автор старается отобразить в этих определениях своё понимание этой сложнейшей категории, что помогает установить отдельные контуры истины, но никому не удалось дать исчерпывающее ее определение.

Некоторые философы определяют истину как адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизводящее реальность такой, какова она есть сама по себе, вне и независимо от сознания. Но что есть адекватное отражение? И где гарантии, что это адекватное отражение не изменится, когда субъект обретёт новые знания? Является ли новое «адекватное» осмысление объекта единственно правильным, и значит ли это, что прошлые осмысления были ложными? Нет. Истина не есть синоним безошибочности и статического начала. Она является чем-то большим, чем неизбежность и зависимость от определений, принятых ранее. Истина может как иметь цепь преемственности от прошлых состояний, так и не иметь её. Единственной общей частью истины на все времена является то, что субъект чувствует её глубоко личной и родной себе.

Если остановиться на научном понимании истины, то она будет являться некоторой системой координат, которая даёт определения объектам, процессам или явлениям так, чтобы субъект мог их использовать в своей жизнедеятельности.

¹ Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М.: Дрофа: Русский язык. 2000.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]: в 4 т. – СПб., 1863-1866. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/>– книги/Толковый словарь Даля/ИСТИНА/

³ Ивин А., Никифорович А. Словарь по логике [Электронный ресурс]. 1998. – Режим доступа: <http://www.termo.ru/dictionary/193/word/istina>; Грицанов А., Румянцева Т., Можейко М. История Философии. Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.termo.ru/dictionary/181/word/istina>; Соловьева В. Толковый словарь по философии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.termo.ru/dictionary/194/word/istina> и др.

⁴ Гуссейнов А.А. Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью [Электронный ресурс]. – СПб.: СПбГУП. 2012. – 848 с. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page49515216.htm>.

⁵ См.: Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. – СПб.: СПбГУ. 2007. – Вып. 3. – 480 с.

При этом истина может быть истиной только в рамках системы с ограниченными величинами, о значении которых получено общее согласие между субъектами, которые используют их, чтобы получить необходимый им результат, и на основе этого взаимодействия строят общение друг с другом.

Ограниченность величин, относительно которых субъект формирует определение истины, – обязательное условие, поскольку субъект не может сознать истину в форме бесконечности, где каждый объект, процесс или явление может принимать различные значения и интерпретироваться неограниченное число раз. В таком случае истину, как то, относительно чего достигнуто согласие, нельзя будет зафиксировать. Пример: если есть стул с подпиленной ножкой, то, сев на него, я упаду. То есть имеется конечный объект, есть конечное действие, есть конечный результат. Если речь идет о бесконечной вселенной со множеством функций, которые меняются в неопределённые временные промежутки, то истине будет не на чем зафиксироваться.

Процесс изменения понимания и интерпретаций значений используемых величин идёт непрерывно, потому что развитие не останавливается и субъект постоянно попадает в новые условия. Если субъект включён в общую систему с остальными субъектами, которые также формируют значение того или иного предмета, процесса или явления в своих интересах, то субъект согласует своё понимание используемых им величин в процессе постоянного дискурса.

Если в системе субъектов есть понятие «последовательность» развития, то согласование понимания используемых величин происходит на основе критериев, относительно которых получено согласие в прошлом. В случае, если старые значения неприемлемы в новых условиях, эти значения трансформируются. При этом новые значения интерпретируются с позиций той базы, которая уже была наработана в прошлом. Поэтому речь идёт лишь о степени нового, которое вносит новые значения в старое понимание. Понятие «истина» понижает и науку, и религию, являясь той центральной точкой, без которой они не могли бы существовать.

Итак, природу истины сложно понять. Она покрыта тайной, хотя и является категорией, придающей смысл всем поступкам и жизни любого сознающего субъекта. Истина прежде всего является внутренней потребностью каждого. Поэтому она есть не только некая плоскость, абстрактная система критериев, относительно которых получено согласие и через которые интерпретируются объекты, процессы или явления, но и является самостоятельной сущностью. Сознанию подчас страшно даже представить мир без неё. Человек чувствует её как часть себя, ощущает её зов, считает, что он в долгу перед ней. Она опирается на внутреннее чувство самого человека. Но, несмотря на это, она реальна. Это не нужно доказывать, ибо её реальность ощущается глубоко в сердце. Пусть она для каждого своя, каждый понимает её по-разному, меняет своё представление о ней на протяжении всей жизни, убеждаясь, что так и не понял её целиком, но, если этой категории нет в душе человека, он глубоко несчастен. И поэтому он

снова и снова ищет истину, достраивает её в своём сердце, порой ошибаясь и падая на этом пути, но чувствуя её голос внутри.

Можно сказать также, что истина есть путь, конечной точкой которого должна являться она сама. Ее сложно разложить на составные части, хотя, с одной стороны, истина – это сущность, с другой – путь. При этом в ней нет двойственности, ибо движение и непреложность находятся в единстве и составляют её полноту. И в этом есть тайна истины. И эта тайна даёт сознанию способность дерзания, силу постоянного огня или спокойной созерцательности.

Истина включает в себя множество категорий, которые не противоречат ей, но дополняют её. Подчас субъект видит свою ценность и смысл своего существования именно в движении к истине. И никогда не доходит до её конечной точки. И в этом не слабость человека, но доказательство могущества истины. Человек привык стремиться ко всему конечному, но, видимо, истина хочет нам сказать, что любое конечное чуждо жизни. Стремление к истине – это процесс, полноту которого субъект чувствует, пребывая в нём, не стремясь к последней грани. Истина порой затмевает собой страх смерти, небытия. Тому, кто избирает истину, даже конец кажется всего лишь продолжением пути.

Но и при том, что достижения конечной точки движения к истине для субъекта невозможно, он тем не менее чувствует её полноту в себе. Каждый, кто чувствует истину, прибывает в ней. А оторвавшись от неё, не может найти себе покоя, мечется, теряет себя. Всякий знает её определение, но на ином, глобальном уровне, который не требует слов, каждый способен её узнать.

Понятие «справедливость» наиболее близко стоит к понятию «истина». Это то, что формализует истину, делает её понятной. За деянием следует воздаяние – вот один из главных её критериев. Но исчерпывает ли это полностью понятие «истина»? Некоторые стараются установить, из чего возникло понятие «справедливость» и что чему предшествовало: истина справедливости или наоборот.

Вопрос о том, что первичнее – истина или справедливость – уводит нас далеко в онтологические и гносеологические пространства. Справедливость, как нечто конкретное, институционализированное во многих учреждениях, прописанное во многих законах, является теми границами, на которые опирается истина как нечто абстрактное. Справедливость – это одна из форм проявления истины в мире. Поэтому справедливость не может не быть истинной. Справедливость – это одна из ценностей сознания, которую оно обрело при движении к истине. Отнимать её у сознания – значит лишать его истины, подтачивать веру в неё.

Вера – это такая же часть истины и этап движения к ней, как и справедливость. Вера покоится на справедливости, как и справедливость на вере, и все они существуют лишь потому, что чувствуют, как они обусловлены истиной. Но исчерпывается ли истина понятием «справедливость»? Нет. Истина шире. Хотя в своей широте и не противоречит ей. Хотя порой сама справедливость стремится заменить собой истину. Если такое происходит, то справедливость перестаёт быть истинной.

Истина и справедливость как деятельное начало

Такая справедливость очень часто ориентирована лишь на воздаяние подобным за подобное. Тогда в ней нет милосердия – ещё одной категории, так близко соприкасающейся с истиной в контексте сердца человеческого. И такая справедливость ведёт к диктатуре, лишается веры и истины, с которыми она так неразрывно связана.

Милосердие и вера порой противоречат однобокому пониманию истины только лишь как справедливости. Приведём такой пример: субъект украл, и его осудили. Конечно, наказание справедливо, но у любого поступка есть причина, и именно к анализу всех причин стремится истина. Также истина всегда смотрит в будущее, и ей хочется понять, к чему приведёт в будущем то, что сейчас считается справедливым. Поэтому можно сказать, что справедливость в своём чистом виде – это вещь очень односторонняя. Истина же является многогранной.

Милосердие и добро являются критериями этой многогранности. Ибо, если считать, что любовь и добро есть основа человеческого бытия, которое стремится к истине, тогда справедливость, которая есть одна из форм проявления истины в этом мире, должна разделять эти категории. А любовь и добро учат нас прощению не во вред себе, но с тем, чтобы это прощение помогало росту самого себя.

Если справедливость, вера и милосердие составляют единство истины, то лишит это единство одной из составляющих – значит нарушить бытийность всех её компонентов. Справедливость должна быть поддержана истиной, иначе она станет пустой формой, буквой, но не сутью. Если же вышеизложенные понятия не являются основами человеческой жизни и правильное понимание объективной действительности иное, тогда исчезают понятия «истина» и «справедливость». Поэтому истина не может быть несправедливой. Проблема возникает тогда, когда справедливостью хотят заменить истину. Тогда истина отрывается от своих истинных надлокальных основ и становится служанкой эпохи и моды. Тогда очень часто справедливостью считается то, что принято обществом и с чем общество согласно.

Это путь к хаосу как в сознании, так и в сердце. Истина, понимаемая через такие нормы, теряет свою значимость и перестаёт быть «светочем» для человека. Она становится просто частью моды, или так называемым «брендом», который существует ограниченный отрезок времени. В современном мире многие безобразные вещи бывают справедливыми по форме, но ложными по сути. Формальная сторона справедливости прописывается в законах и влияет на всё общество.

В России, если верить её законам, давно считается справедливым то, что основная часть добычи природных ресурсов находится в частных руках, то, что президент не слушает народ по ключевым вопросам развития страны. В Европе считается справедливым то, что гомосексуалисты имеют равные права с остальными гражданами и что гомосексуализм пропагандируется среди несовершеннолетних. Это те нормы, по которым живёт общество. И некоторые мировые тенденции, надевая на себя маску справедливости, пропагандируют ценности, которые истине явно противоречат, например

ценности неолиберализма, которые в России хотят поставить во главу угла всей политической и общественной жизни.

Современная справедливость преподносится в контексте свободы, и именно свободу хотят представить как высшее её выражение. Те, кто говорят, что свобода – предельно ясное понятие, глубоко заблуждаются. Свобод много, и они разные. Есть духовная свобода, поднимающая человека, дающая ценность его жизни. Эта свобода основана на моральных принципах, которые не ущемляют, но дополняют её и украшают. А есть либеральная свобода, которая ориентирована на то, чтобы «слаше есть и крепче спать». Она провозглашает низменную свободу человеческого естества, ориентированную на всё биологическое и пустое, на то, чтобы создать общество, не связанное ничем и ни перед кем не имеющее обязательств. Конечный итог, к которому стремится эта свобода, ужасен.

Либерализм породил идею абсолютно пустой свободы, из которой, якобы, сама собой должна возникнуть полнота. Какая полнота может возникнуть из того, источником возникновения чего являются гедонизм и удовлетворение лишь животных инстинктов. Но стремление к удобствам ради них самих может похоронить любую нравственную и национально-культурную идею.

Также оголтелый либерализм и глобализация (чаще всего вестернизация), которой он проложил путь, предлагают смешение народов, полагая, что из этого механического смешения, производимого без учёта потребностей органической народной природы, может возникнуть что-то стоящее. Мы уже видим, сколько конфликтов на национальной почве это вызвало. Ни один народ не хочет потерять свою внутреннюю ценность и растворить её бесследно в экономических или иного рода отношениях.

Идея либеральных свобод является той идеей, приверженцы которой не видят богатства отдельной нации, для них человек и народ не обладают внутренним содержанием. Либерализм признаёт народом лишь разрозненную группу людей, не имеющих внутренних основ, которая зародилась под влиянием локальных тенденций, экономических отношений. В такой группе каждый отдельный элемент ничем не связан с себе подобными, кроме кратковременного интереса. Когда интерес пропадает или заменяется на другой, эта группа распадается.

В заключение можно сказать, что справедливость и истина не абстрактные понятия. Они существуют и развиваются волей субъектов. Без этих категорий человек теряет себя и не может на глубинном уровне выразить свою сущность. Если есть в этом мире свет для души человеческой, то это истина и справедливость.